

Олег Панфилов

**Информационная
блокада Чечни**

(сентябрь 1996 – декабрь 2002)

Олег Панфилов

Информационная блокада Чечни

(сентябрь 1996 – декабрь 2002)

Государственный Университет Илии

**Тбилиси
2011**

Книга Олега Панфилова «Информационная блокада Чечни» продолжает серию публикаций этого автора, посвященных работе журналистов в период двух чеченских войн, начиная с 1994 года.

В издании представлены материалы мониторинга нарушений прав журналистов, данные о погибших, похищенных, пропавших без вести журналистах, информация о результатах различных исследований, свидетельствующих об изменениях в российском обществе с начала информационной блокады Чечни в 1996 году.

Редактор **Андрей Белявский**

Компьютерное обеспечение:

Кетеван Гогава
Тинатин Квирквелия

Использованы материалы Центра экстремальной журналистики Союза журналистов России.

© Государственный Университет Илии, Грузия, 2011.

ISBN 978-9941-18-026-2

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИЛИИ
Проспект К.Чолокашвили 3/5, Тбилиси, 0162, Грузия.

*Памяти
Анны Политковской
(1958-2006)*

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	9
ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	14
ПОСЛЕ ХАСАВЮРТОВСКИХ	
СОГЛАШЕНИЙ	
Между войнами (1996-1999 гг)	34
Вторая чеченская война (1999 -2002).....	55
Погибшие и пропавшие без вести журналисты	174
Пропавшие без вести журналисты	178
Таблица.....	182
НАЧАЛО ИНФОРМАЦИОННОЙ БЛОКАДЫ	
Российский информационный центр	191
Аппарат помощника Президента Сергея Ястржембского	201
Начальник Центра общественных связей ФСБ Александр Зданович.....	222
Руководитель единого информационного центра при Объединенной группировке федеральных сил в Чечне, первый заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных Сил России генерал-полковник Валерий Манилов	233
Представитель ФСБ в Чечне Илья Шабалкин.....	244
Министерство по делам печати	258
ПОХИЩЕНИЯ ЖУРНАЛИСТОВ	
Дело Натальи Васениной	276
Дело Романа Перевезенцева и Вячеслава Тибелиуса	282
Хроника похищения в программах телекомпании ОРТ:.....	292
Дело Мауро Галлигани (Mauro Galligani)	315
Дело Николая Загнойко, Юрия Архипова, Николая Мамулашвили и Льва Зельцера	321
Хроника похищения в программах ВГТРК «Россия»	331
Дело Александра Утробина и Ольги Багаутдиновой	358
Дело Елены Масюк, Дмитрия Ольчева и Ильи Мордюкова	372

Хроника похищения в программах телекомпании НТВ	390
Дело Ильяса Богатырева и Владислава Черняева	409
Хроника похищения в программах телевидения и радио	410
Дело Михаила Маркелова, Дмитрия Новоселова и Михаила Сердюкова	415
Дело Антона Малянова	415
Дело Саида Исаева	421
Дело Виктора Петрова	429
Дело Бриса Флетё (Brice Fleutiaux).....	431
Дело Дмитрия Бальбурова	450
Дело Владимира Яцины.....	453
Хроника похищения в сообщениях агентства ИТАР-ТАСС:	463
Проблемы иностранных журналистов	470
История Франка Хёфлинга (Frank Heffling).....	481
История Анн Нива (Ann Nivat)	499
ВОЗВРАЩЕНИЕ СОВЕТСКИХ ТРАДИЦИЙ.....	503
Что говорил Владимир Путин.....	503
Хроника цензуры	533
ПОСЛЕСЛОВИЕ	586
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	590
УКАЗАТЕЛЬ МЕДИА	613
ОБ АВТОРЕ	624

ОТ АВТОРА

Процесс восстановления традиций пропаганды связывают с назначением Владимира Путина и.о. Президента России 31 декабря 1999 года, а сам механизм возвращения пропаганды и введения жесткой редакционной цензуры – с сентябрем 2000 года, когда Путин, уже избранный президент, подписал странный документ – Доктрину информационной безопасности. Доктрина не имеет юридической силы, поскольку не является законом, но она стала программным документом, регламентирующим процесс восстановления государственной жесткой политики, в том числе и в формально независимых российских СМИ.

Но сам процесс, точнее его первый этап, начался годом раньше, когда российские войска начали операцию в Дагестане, положившую начало второй чеченской войне. Только что назначенный премьер-министром правительства России Владимир Путин потребовал от СМИ и журналистов «объективного освещения», одновременно поощряя тех журналистов и редакции, которые легко перестроились и вернулись в, казалось бы, уже забытую советскую пропаганду.

Вторым шагом восстановления традиций советской пропаганды стало появление многочисленных «информационных источников», которыми руководили государственные чиновники. И, наконец, завершением процесса было введение специальной аккредитации для журналистов, в том числе иностранных, которые поначалу ездили в Чечню в группах под присмотром офицеров ФСБ, но затем, после нескольких скандалов, перестали общаться о том, что происходило на войне. Только редкие смелые журналисты тайком пробирались на территорию воюющей республики.

Как правило, восстановление традиций советской пропаганды связывают непосредственно с именем Путина, и после погрома телекомпании НТВ, смены собственников в других независимых СМИ появился «черный список» тем, освещать которые было нежелательно. Главным пунктом в этом списке стала Чечня.

С Чечни все и начиналось, она стала своеобразным полигоном, где испытывалась российская журналистика, всего девять лет назад ставшая формально независимой, и пытавшаяся развиваться. На чеченской теме все и остановилось. Телекомпания НТВ тоже стала жертвой второй чеченской войны, когда журналисты, несмотря на запреты из Кремля, пытались говорить о происходящем, как, впрочем, и о стране в целом. В российской журналистике появились элитарные пропагандисты, спустя несколько лет ВГТРК стала холдингом, объединившим все государственные телекомпании, появилась телекомпания «Russia Today», все государственные СМИ получили поддержку из бюджета, и государственная машина заработала в полную мощь.

Потом была гибель моряков на подводной лодке «Курск», гибель людей в московском Театральном центре, расстрел школы в Беслане, многочисленные случаи гибели людей. И освещение всех этих событий показало

эффективность российской пропаганды, ее мощь и целесообразность для новой российской власти. Война в Грузии – лишь часть набравшей силы пропаганды, избавившей россиян от чрезмерного любопытства и желания самим разобраться в конфликте.

Но все началось с Чечни. О том, как восстанавливались традиции советской пропаганды в российской журналистике, – свидетельствуют приведенные здесь документы. Книга эта – только попытка разобраться в механизме пропаганды, который был опробован в Чечне, после чего применяется по всей России.

31 августа 1996 г., в дагестанском городе Хасавюрт, генерал Александр Лебедь (погиб 28 апреля 2002 г.), Сергей Харламов (погиб 4 ноября 2002 г.), Аслан Масхадов (погиб 8 марта 2005 г.) и Саид-Хасан Абумуслимов (живет в эмиграции), в присутствии главы Группы содействия ОБСЕ в Чеченской Республике Тима Гульдиманна, подписали два документа – «Совместное заявление» и соглашение «Принципы определения основ взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой».

В документах говорилось, что Соглашение об основах взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой, определяемых в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, должно быть достигнуто до 31 декабря 2001 года (подчеркнуто мною – О.П.). А в качестве мер предполагались «подготовка согласованных мероприятий по борьбе с преступностью, терроризмом и проявлениями национальной и религиозной вражды и контроль за их исполнением».

В Соглашении третьим пунктом отмечено: «Законодательство Чеченской Республики основывается на соблюдении прав человека и гражданина, праве народов на самоопределение, принципах равноправия народов, обеспечения гражданского мира, межнационального согласия и безопасности проживающих на территории Чеченской Республики граждан, независимо от национальной принадлежности, вероисповедания и иных различий».

3 октября 1996 г. председатель правительства Российской Федерации Виктор Черномырдин подписал Распоряжение за N 1474-р, в котором, «в целях проведения согласованной информационной работы по освещению урегулирования кризиса в Чеченской Республике» предусматривалось:

1. Федеральной службе России по телевидению и радиовещанию, совместно с Государственным комитетом Российской Федерации по печати, Министерством Российской Федерации по делам национальностей и федеративным отношениям, Федеральной службой безопасности Российской Федерации, Министерством внутренних дел Российской Федерации, Министерством финансов Российской Федерации, Министерством экономики Российской Федерации и Министерством иностранных дел Российской Федерации:

- разработать федеральную целевую программу по освещению кризиса в Чеченской Республике;
- внести предложения о создании комиссии, координирующей деятельность по освещению положения в Чеченской Республике;

– в связи с изменившейся ситуацией, внести предложения по порядку аккредитации представителей средств массовой информации в Чеченской Республике;

– представить предложения по недопущению в средствах массовой информации пропаганды изменения основ конституционного строя и нарушения целостности Российской Федерации, подрыва безопасности государства, создания вооруженных формирований, разжигания национальной и религиозной розни.

2. Информационно-аналитическому управлению Аппарата Правительства Российской Федерации организовать на постоянной основе проведение пресс-конференций, брифингов, рабочих встреч представителей средств массовой информации с руководителями федеральных органов, обеспечивающих урегулирование кризиса, восстановление экономики и социальной сферы Чеченской Республики.

Но, как заметил когда-то сам Черномырдин, «хотели как лучше, получилось как всегда». Практически сразу российские политики и государственные чиновники начали создавать условия для информационной блокады Чечни.

Российская пресса, пережившая во время первой войны гибель 18 коллег (всего погибло 20 журналистов, включая двух иностранцев), пропажу без вести еще 6 репортеров и ожесточенную информационную войну, некоторое время сопротивлялась. Предпринимались попытки проанализировать складывающуюся ситуацию в Чечне, в прессе публиковались статьи, исследующие взаимоотношения чеченских и федеральных властей, но похищения журналистов в начале 1997 г. странным образом совпали с желанием многих российских политиков и чиновников, в том числе военных, оградить российское общество от информации из Чечни.

2 сентября 1996 г. журнал «Огонек» опубликовал статью «С войной покончили мы счеты. Но так и не прорвали информационную блокаду». Редакция журнала попыталась подвести первые «статистические итоги» войны: сколько военных «наводили конституционный порядок»; сколько из них убито, ранено, пропало без вести, попало в плен; сколько уголовных дел заведено за время конфликта; сколько беженцев породила война; скольким матерям пришлось искать сыновей? Всего около 20 простых вопросов было направлено в соответствующие ведомства. Автор редакционной статьи написал:

«Мы думаем, с войной нельзя покончить счеты, пока не подсчитано все, что можно подсчитать. В «силовых» инфорслужбах считают иначе. «Огонек» выражает особую благодарность господам Мамчуру (начальник управления информации Минобороны), Волгину (ответственный за связи с российскими СМИ того же ведомства), Фурсу (начальник управления информации и общественных связей МВД), Головневу (сотрудник этой же организации), Ушакову (пресс-секретарь главной военной прокуратуры), а также многочисленным секретарям и секретаршам указанных служб и Генпрокуратуры за фактический отказ действовать в получении какой бы то ни было информации».

Трудно сказать, насколько искренне российские чиновники желали установления мира и согласия в Чечне, но последующие их действия, как, впро-

чем, и поступки чеченских руководителей, только создали условия для информационной блокады: кто-то из них непосредственно участвовал в организации блокады, кто-то причастен к похищениям журналистов. Но каким образом были созданы условия, при которых о второй чеченской войне почти ничего не известно, – вот вопрос, побудивший написать эту книгу.

Цель этой книги единственная – собрать и обобщить доступную информацию и с ее помощью восстановить историю создания информационной блокады в Чечне. Спустя несколько лет после окончания первой чеченской войны стало понятно, что публикации в газетах, журналах, на лентах информационных агентств, тексты радио и телевизионных передач особо и не нуждаются в комментариях. В большинстве своем, эти публикации, особенно в государственной прессе и агентствах, – примеры восстанавливаемых традиций советской пропаганды, когда распространялась или дезинформация, или полуправда.

И хотя хронологически эта книга содержит материалы с сентября 1996 г. по декабрь 2002 г., и разделены они на два периода, – чуть более трех лет между войнами (1996-1999 гг.) и вторая война, начавшаяся в августе 1999 г., – зачастую невозможно четко определить грань между двумя этапами чеченской истории. Информационная блокада вокруг Чечни началась почти сразу после подписания Хасавюртовского соглашения, но и после начала второй войны блокада все больше стала напоминать информационный вакуум.

В создании информационной блокады наблюдаются несколько факторов: во-первых, – установление государственного контроля за распространением информации, во-вторых, – установление всевозможных препятствий для свободной работы журналистов. Наконец, в-третьих, – действия спецслужб в отношении СМИ, рассчитанные на запугивание и ограничение работы журналистов.

Самое большое число похищений журналистов приходится на 1997 г., и впоследствии таинственные исчезновения журналистов прекратились, так же неожиданно, как и начинались. С другой стороны, в период между войнами не было случаев гибели журналистов, а в первые годы второй войны погибли 9 репортеров. Количество фактов преследования журналистов – препятствование работе, запрет на распространение информации, случаи различного рода цензуры – приходится уже на вторую войну, то есть, когда формально власть в Чечне принадлежала представителям федеральной власти.

Эта книга является продолжением двух других – «Журналисты на чеченской войне» и «Информационная война в Чечне», изданных Фондом защиты гласности в 1995 и 1997 годах, а также книги «История Андрея Бабицкого», изданной Центром экстремальной журналистики в 2004 г.

За это время Центром экстремальной журналистики было подготовлено несколько докладов для Офиса Представителя ОБСЕ по свободе СМИ, в которых рассматривались проблемы работы СМИ в Чечне или вокруг Чечни – о работе журналистов во время террористического акта в Москве в октябре 2002 г. и о работе журналистов, освещавших террористический акт в Беслане (Северная Осетия – Алания).